

Изъ размышлений историка.

(Литература о П. И. Сумароковѣ).

Въ майской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ (1914 г., № 5) была напечатана замѣтка К. В. Сивкова „Провинціальная администрація въ 1812 г.“¹⁾. Изучая дѣятельность Аракчеева, мнѣ пришлось столкнуться и съ „героемъ“ указанной статьи, П. И. Сумароковымъ: это столкновение вызвало у меня нѣсколько печальныхъ мыслей, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

I. О существованіи П. И. Сумарокова я впервые узналъ изъ статьи А. Кизеветтера „Аракчеевъ“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за 1910 г. (кн. XI и XII, откуда и цитирую), которая потомъ вошла въ „Историч. очерки“.

Здѣсь я прочиталъ. „Передъ окончательнымъ укрѣпленіемъ фавора Аракчеева при Александрѣ въ Новгородѣ

¹⁾ На требованіе гражд. губернатора П. И. Сумарокова, представить дополнительно 40 ратниковъ, новгородское мѣщанское общество отвѣтило отказомъ и 22 X даже составило всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ оправдывалось и просило освободить его отъ притѣсненій Сумарокова. За мѣщанское общество вступился потомъ губернской прокуроръ Бѣлявскій; постепенно разрослась переписка (помѣщена у В. Н. Строева въ его „Документахъ къ ист. Отечественной войны“, „Сборн. историч. докум. изъ канцел. Е. В.“, 2 ч. XIV в.), которая послужила поводомъ къ особому „дѣлу“ въ министерствѣ (см. въ статьѣ Сивкова), и которая вызвала ревизію сенатора Миклашевскаго (дѣло № 17, 1815 года по Д. Г. и Д. дѣлъ изъ Архива Госуд. Совѣта).

губернаторствовалъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отличавшійся строгой честностью. При подрядахъ и рекрутскихъ наборахъ онъ относился ко всѣмъ помѣщикамъ губерніи съ полнымъ безпристрастіемъ. На этой-то почвѣ между нимъ и грузинскимъ владѣльцемъ и не замедлили возникнуть непріятности, ибо Аракчеевъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его трактуютъ совершенно такъ же, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, не дѣлая ему никакихъ поворотовъ. Тогда Аракчеевъ началъ совершенно ложно обвинять Сумарокова передъ Государемъ въ пьянствѣ, и Сумароковъ былъ отставленъ отъ службы и впалъ въ большую бѣдность.¹⁾

Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Русскій Архивъ“, 1880 г., кн. III, „Изъ записокъ Шенига“. Въ 1825 г. Аракчеевъ, однако, доставилъ Сумарокову аренду“. Повидимому, Кизеветтеръ всецѣло положился на свидѣтельство Шенига, а между тѣмъ, „записки Шенига“ (какъ и большинство другихъ!) требуютъ къ себѣ очень осторожнаго отношенія. Кизеветтеръ, видимо, даже не подозрѣвалъ о существованіи тѣхъ документовъ, которые послужили основой статьи Сивкова. (Ихъ можно было бы пополнить указаніемъ на дѣло № 17, 1815 г. по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, изъ архива Государственнаго Совѣта, въ которомъ находятся документы ревизіи сенатора Миклашевскаго)²⁾.

¹⁾ Кн. XII, 29—30 стр.

²⁾ „О ревизіи сенаторомъ тайн. сов. Миклашевскимъ Новгородск. губ. и о неурядкахъ по управленію гражданского губернатора Павла Сумарокова“, Н. 16 III; К. 5 VI; лл. 17.

Въ своемъ заключеніи сенаторъ Миклашевскій подтверждаетъ всѣ тѣ неурядки, которое выясняются и изъ переписки Сумарокова съ Аракчеевымъ (см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1862 г., II, гдѣ она поляѣе, нежели въ „Русской Старинѣ“, въ XI кн. 1900 г.). Миклашевскій указываетъ и на неурядки при наборѣ рекрутъ, и на неправильность распредѣленія земскихъ повинностей, и на безпорядки при допросахъ и арестахъ исправниками, и на неисправности въ производствѣ дѣлъ...

Интересно, что Сумароковъ почти все объясняетъ „личностями“. Вступивъ въ должность въ апрѣлѣ 1812 г., онъ, молъ, „нашелъ губернію въ безпорядкѣ и запущеніи...“. „между тѣмъ нашелъ личность отъ губернскихъ чиновниковъ...“. 18 же IV 1815 г. онъ писалъ: „меня всѣ мѣста, всѣ сословія всегда хвалили, одинъ только Г. Сенаторъ Миклашевскій вздумалъ по известной его ко мнѣ личности порочить мое управленіе. Но что же онъ при всей враждѣ своей отыскалъ, написалъ? Десять незначущихъ пунктовъ, кот. ни до чести моея, ни до способности

Такое „довѣріе“ къ различнаго рода „запискамъ“ и „воспоминаніямъ“, мнѣ кажется, не можетъ быть допускаемо въ научныхъ, историческихъ работахъ; тѣмъ болѣе, что оно часто заводитъ автора слишкомъ далеко: приведенная цитата служитъ (?) подтвержденіемъ къ словамъ Кизеветтера, что „потворствуя близкимъ людямъ и расправляясь съ врагами, Аракчеевъ нерѣдко шелъ на прямую ложь“¹⁾. Между тѣмъ, знакомые со статьей Сивкова (или документами, приведенными В. Н. Строевымъ въ его „Сборникъ“, 2 ч., XIV вып.) прямо увидятъ, что Аракчеевъ могъ быть недоволенъ поведеніемъ Сумарокова. (Я не касаюсь теперь вопроса о причастности Аракчеева къ удаленію Сумарокова, т. к. не имѣю достаточныхъ данныхъ, хотя, кажется, онъ и долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, если принять во вниманіе письмо Сумарокова къ Аракчееву въ январѣ 1816 г.—см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1862, III, 149 стр.). Для незнакомыхъ съ указанными матеріалами, я, чтобы не повторяться, приведу только нѣсколько словъ изъ рапорта прокурора Бѣлявскаго и изъ всеподданнѣйшаго прошенія мѣщанскаго общества. 2/XI. 1812 г. Бѣлявскій доносилъ: „еще со времени существованія Новгородской губерніи никогда не было до такой степени испорчено правленіе оною, до какого довелъ въ короткое время нынѣшній Господинъ Гражданскій Губернаторъ, разрушившій весь законами установленный порядокъ въ производствѣ дѣлъ“; мѣщане же г. Новгорода такъ заканчивали свое прошеніе отъ 22/X, 1812 г.: „Ваше Императорское Величество сердобольный Государь побоче единыи покровъ и предстательство не повинно утесняемыхъ, удела извремя посвященнаго тобою назащиту подѣтвою

управлять не касаются и которые, отдавъ съ моими объясненіями на судъ всѣхъ, заключаютъ въ себѣ одну только досаду...“.

К. В. Сивковъ пишетъ, между прочимъ, что о дополнительномъ наборѣ рекрутъ „было только постановленіе Комитета Ополченія противорѣчившее какъ манифестамъ, изданнымъ по этому поводу, такъ и рѣшенію Комитета Министровъ отъ 6 сентября“, (227 стр.)—безъ дальнѣйшаго, болѣе точнаго указанія. Очевидно, это постановленіе состоялось между 14 сентября и 18 октября, т. к. еще 14 IX 1812 г. Аракчеевъ писалъ Свѣчину, начальнику Новгородскаго ополченія: „еще, любезный другъ, слышали мы и всѣ Новгородскіе здѣсь живущіе дворяне, что еще требуютъ ратниковъ, но не видимъ нигдѣ онаго приказанія. Всѣмъ навѣстно, что въ Комитетѣ ополченіевъ я старшимъ, но мы и всѣ трое сего приказанія ни откуда не получали“ (см. въ „Чтеніяхъ“, стр. 142—143).

¹⁾ Кв. XII, стр. 29.

милосердою десницею живущихъ ивоззри наповергаемыхъ предъ Высочайшимъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества наверно подданныхъ живущихъ подыгомъ неукротимаго тесненія и разсмотря обстоятельства употребите несколько минутъ къразсмотрению всеподданнѣйше представляемыхъ присемъ поступковъ Господина Гражданскаго Губѣрнатора Сумарокова съ полицемейстеромъ бондыревымъ проникни по сродной склонности сердца своего къчеловеколюбію нагласъ моленія верноподданныхъ“...”).

Отсюда видно, правъ ли Шенигъ, что „Сумароковъ правилъ губернію къ общему всѣхъ сословію удовольствію“²⁾; а, прочитавъ указанное „дѣло“ изъ архива Государственнаго Совѣта, мнѣ кажется, и Кизеветтеръ вычеркнулъ бы изъ своей статьи приведенныя мною слова. Я не сталъ бы останавливаться на этомъ мелкомъ вопросѣ, если бы не замѣчалось вообще тенденціи къ излишнему довѣрію разнымъ „воспоминаніямъ“ и „запискамъ“ - воспоминаніямъ. Прочитавъ много такихъ „записокъ“ о дѣятельности Аракчеева, я ярко увидѣлъ всю ихъ шаткость, всю ихъ противорѣчивость; поэтому я считаю необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы историки принимали во вниманіе эти записки - воспоминанія только въ своей собственной работѣ, ибо внесеніе ихъ въ „научную“ литературу придаетъ имъ извѣстный вѣсъ, котораго они совершенно не заслуживаютъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Кизеветтеръ опирается на Шенига, онъ могъ бы привести слова Тургенева изъ письма къ Вяземскому отъ 2/V, 1825 г. по поводу суда надъ Поповымъ (книга Госнера): „Вчера въ Сенатѣ судили Попова; графъ Хвостовъ присталъ къ мнѣнію Сумарокова, исчадію невѣжества, глупости, подлости и у насъ неслыханныхъ“³⁾, но при чемъ здѣсь исторія, при чемъ здѣсь наука?!..

II. Заинтересовавшись П. И. Сумароковымъ, я столкнулся и съ другимъ печальнымъ фактомъ: оказывается, „Русскимъ Біографическимъ Словаремъ“ надо пользоваться только послѣ основательной провѣрки его данныхъ! Я подчеркиваю то обстоятельство, что данныя Словаря, издаваемого Императорскимъ историческимъ обществомъ, нуж-

1) „Документы, относящіеся къ ист. 1812 г.“, 2 ч., XIV в. „Сборника“ стр. 94, 123—124.

2) „Русскій Архивъ“, 1880 г., III, 308 стр.

3) Остафьевскій Архивъ, III, 119—120 стр.

даются не въ *пополненіи*, что неизбежно въ исторической работѣ, а въ *проверкѣ* и *исправленіи*!

Когда я читалъ дѣло изъ Архива Государственнаго Совѣта о ревизіи Миклашевскаго, мнѣ неизбежно понадобились біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ. Обратившись къ Русскому Біографическому Словарю и увидѣвъ, что о П. И. Сумароковѣ написанъ цѣлый столбецъ, я, конечно, обрадовался, но каково же было мое разочарованіе, когда я въ этомъ столбцѣ не нашелъ даже упоминанія о томъ, что Сумароковъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ!

Этому факту было бы единственное оправданіе въ недостаткѣ свѣдѣній, но, принимая во вниманіе, что въ бібліографіи къ очерку указаны переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, записки Шенига,—и это оправданіе составителя біографіи отпадаетъ, т.-к. уже отсюда авторъ долженъ бы былъ узнать и заинтересоваться ролью Сумарокова въ Новгородѣ!..

Надо указать, что и вся-то „бібліографія“ составлена очень небрежно. „Чтенія“ *Общ. Ист. и Др. Росс.* почему-то названы „Трудами“, вмѣсто III кн. ихъ за 1862 г. указана II; что переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, помѣщенная въ „Чтеніяхъ“, полнѣе и покрываетъ помѣщенную въ „Рус. Старинѣ“—ничего не сказано; приведены источники, въ кот. нельзя ничего найти о Сумароковѣ (напр., *Сборникъ Русск. Историч. Общ.*—т. 27); указано „мнѣніе“ Сумарокова „о смертной казни“, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, оно было высказано „по дѣлу Попова и о цензурѣ“!

Опять, казалось бы, мелкій вопросъ; почему важна біографія какого-то П. И. Сумарокова, но въ томъ-то и дѣло, что въ погонѣ за скоростью и за обиліемъ выпускаемаго у насъ слишкомъ часто обращаютъ мало вниманія на „доброкачественность“ его. Между тѣмъ, мнѣ кажется, историческій литературный рынокъ (какъ и всѣ другіе?) итакъ уже заваленъ такой громадой написаннаго, что и теперь требуется много времени, чтобы во всемъ этомъ разобраться, когда берешь даже довольно узкій, спеціальнѣйшій вопросъ; такъ что, кажется, пора уже подумать и о „разгрузеніи“ нашей письменности, ибо „во многоглаголаніи нѣтъ спасенія“! Лучше сказать немного, но вѣрно, нежели исписать цѣлые фоліанты, кот. при ближайшемъ знакомствѣ окажутся никуда не годными.

Поэтому, резюмируя сказанное, я обращаюсь ко всѣмъ историкамъ со слѣдующими пожеланіями:

1) пользоваться разнаго рода записками-воспоминаніями только какъ „рабочими гипотезами“ въ своей собственной работѣ, всегда оговариваясь, откуда берутся свѣдѣнія; и

2) составлять историческія работы, и даже мелкія замѣтки, съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ состояніи каждое свое положеніе подтвердить имѣвшимся въ рукахъ матеріаломъ, не опасаясь, что такимъ путемъ сократится „количество“ сдѣланнаго, ибо, въ такомъ случаѣ, и исторія и сами историки только выиграютъ: первая въ качествѣ, вторые, какъ это ни казалось бы страннымъ, въ количествѣ работы, въ количествѣ требующейся „провѣрки“ данныхъ научной исторической литературы!..

С. Разумовскій.

